

Литературная газета

ОТТАН ПРАВЛЕНИЯ СОЮЗА
ОБЩЕСТВЕННЫХ ПИСАТЕЛЕЙ СССР

ПОД РЕДАКЦИЕЙ В. ВАГРИЦКОГО А. БОЛОТНИКОВА,
М. КОЛЬЦОВА, В. ЛЯДИНА, А. СЕЛИВАНОВСКОГО, И. СЕЛЬВИНСКОГО,
М. СУВОЙКО, М. СЕРЕБРЯНСКОГО, М. ЧАРНОГО, Е. УСНЕВИЧ.

№ 124 (440)

16 СЕНТЯБРЯ 1934 ГОДА

ВЫХОДИТ ЧЕРЕЗ ДЕНЬ

Дневник Литературной газеты

16 СЕНТЯБРЯ

О том, что наши театры работают далеко не достаточно, писали мы не раз. Театральный сезон начался. Но еще ни одной премьеры не показано, и в ближайшие дни их не предвидится. Это тем более непорочно, что репертуарный план театров на 1934—35 г. свидетельствует о богатстве и содержательности предстоящего зимнего сезона. Первый всеобщий с'езд писателей, уделявший большое внимание вопросам драматургии и драматургического наследия, бесспорно, послужил истинным моментом поднятия качества драматургической продукции и театрального мастерства.

Почетное место в репертуаре театров занимают русские и западноевропейские классики. Однако следует предупредить театры от двух основных пороков в работе над классикой. Первый: выхолащивание богатства и содержательности классического репертуара и явное бесперспективное обращение с ним, как это имело место в работе над «Гамлетом» Шекспира и над «Человеческой комедией» Бальзака в театре Вахтангова. Второй: бесстрастно музейное отношение к материалу, что имело место в некоторых постановках Малого и Художественного театров. К классикам театр обязан установить активное отношение, улавливая культурное наследие прошлого и по-настоящему акцентуируя моменты, созвучные сегодняшнему дню. В этом деле важнейшую

В ТОМ ЖЕ ГРИМЕ

БАНКРОТСТВО СОЦИАЛ-ФАШИСТСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Их нельзя назвать ренегатами социал-демократии, как это делает эмпирировавшая в Прагу социал-фашистская газета «Новый Фюрвер», которая в своем внешнем, якобы антифашистском рвении представляется чрезвычайно удивленной, что лучшие поэты социал-фашистов Манс Бартель, Карл Брегер и Генрих Лерш бросились приветствовать Гитлера и признались в восторженно воспевавшем фашизм, как раньше воспевали социал-демократические идеалы. Их нельзя назвать ренегатами, так же как нельзя назвать ренегатами по отношению к социал-демократической партии Лебе и Зверинга.

Уже много лет социал-фашистская литература выполняет роль козыря, буржуазной агентуры у рабочего-читателя.

Весь творческий путь Манса Бартеля пролинутил одним желанием: приспособиться к тем, кто взыскательнее в силе. Вплоть до своих ювенильных стихотворений Манс Бартель стремится постичь «внешнее благородство» буржуазной литературы. Основной образ его поэзии в это время — молодой рабочий, работающий у машины, но мечтающий о возвышении, везломом счастье; девушка, любящаяся у витрины красивыми платьями и воображающая себя богатой и счастливой. Почти целиком и уважение к буржуазной культуре, зависть к красивой жизни и к богатым, образованным людям, пользующимся всеми благами, — вот главные чувства героев Бартеля. И тогда, когда эти метры превращаются в грубую действительность, когда они кажутся недостижимыми, автор опустошает чувство невольности, protesta, готовности выступить и бороться за... подобные мечты. Слова о социализме, борьбе за лучшее будущее, произносятся лишь для того, чтобы метить за неудовлетворенность и обиду.

Во время империалистической войны Манс Бартель был провинником и патриотом. Он, как и остальные социал-демократические писатели, провозгласил «военную храбрость» и «свободу романа». К концу войны, когда поражение Германии стало очевидным и позиция мира казалась более выгодной, Манс Бартель стал панфистом.

После победы пролетарской революции в России, когда революция угрожала смети капиталистические основы всех буржуазных стран, Манс Бартель вместе с частью «заблудившейся от ужасов войны» мелкой буржуазии примкнул к революции, представляя, что ее победа осуществится уже давно желанные мечты о спокойной и красивой меланхолической жизни. Он успел написать ряд патетически-революционных стихов, побывать в Советском союзе, восхититься красным Уралом и пролетарским Петербургом. Но как только пролетарская революция в Германии была подавлена социал-демократией в союзе с самыми реакционными, монархическими силами, Манс Бартель «разочаровался» в своей «революционности», объявляя ее увлечением молодости и неопытности, и пришел с повинной головой в редакцию газеты «Фюрвер» и в социал-демократическую партию. Отречься ему пришлось от немалого — разве только от нескольких сочувственных русскому пролетариату стихотворений и высказываний. Остальные его стихотворения «революционного» периода были настолько фразерски-расплывчатыми, что их можно было спокойно перефразировать и перефразировать для социал-фашистских изданий, бывших в полнейшей революционной чуждости как смертного греха.

Вернувшись в лоно социал-демократии, Манс Бартель уселся стараться заглянуть свою «вину», исполнить свое «увлечение» советской страной целой серией очерков и рас-

С 10 по 13 сентября в Ленинграде состоялся с'езд, созданный по случаю столетия со дня рождения гениального творца Периодической системы элементов Д. И. Менделеева. В работе с'езда участвовало 246 советских ученых и 28 иностранных делегатов, представляющих 13 стран. Как указывается в приветствии т. Сталину, принятом с'ездом, советская химия стала могучим народнохозяйственным и оборонным фактором страны победившего социализма. Химическая наука в СССР осуществляется и развивается то, чем при царизме гениальный Менделеев мог лишь мечтать. Работа с'езда, явившегося значительным событием в нашей культурной жизни, вызвала живой интерес широчайших кругов советской общественности. НА ФОТО: президиум с'езда.

РЕШЕНИЯ С'ЕЗДА — В М А С С Ы

Москва

ДЕНЬ КУЛЬТУРЫ НА ЗАВОДЕ ИМ. КАЛИНИНА

«Большинство берет инженером, человек души» — таким красным стягом, протянутым над сценой клуба, приветствовали вчера вечером рабочие завода им. Калинина своих гостей, делегатов всеобщего писательского с'езда — А. Фадеева, А. Безыменского, А. С. Новикова-Прибоя, приехавших к калинцам, чтобы отчитаться в работах с'езда. Вечером встречи с писателями закончился второй день культуры, организованный парткомом калининского завода.

Открывая собрание, т. Берман, ответственный редактор заводской газеты «Калининец», охарактеризовал особое значение этого мероприятия, повышающего культуру рабочего и в труде, и в общении с товарищами, и в заповедии долга.

— Сегодня, — сказал т. Берман, — у нас особенно значительный день культуры: мы имеем возможность присутствовать в нашей среде ряд советских писателей, чьи книги пользуются огромной популярностью среди читателей нашей библиотеки и чьи имена известны каждому рабочему нашего завода.

После выборов президиума, почетным председателем которого при дружных аплодисментах всего зала был избран А. М. Горький, с докладом об итогах всеобщего первого писательского с'езда выступил тов. А. Фадеев.

После доклада т. Фадеева отрывок из «Полновидного» прочитал А. С. Новиков-Прибой. Особый успех имели живые рассказы писателей о воспитании об энклавах, которые он «набил» в «Луисму».

— Еще рано отчитываться произведениями, которые написаны совсем с'езда... — сказал выступивший затем

«На наших социалистических заводах и полях вырос новый умный и внимательный читатель... Страх и интересной книге, наследием могучими художественными образами мировой литературы стали неотъемлемым чувством каждого строителя нашей страны».

Эти слова взяты нами из передовой «Литературной газеты ударника Метростроя» — нашего нового собрата, начавшего жить с 12 сентября.

Подтверждение им мы находим в десятках фактов особенно ярко проявившихся во время и после с'езда писателей. Интерес, который поднал, накануне с'езда к литературным делам, не только не ослабевает, но все растет и выливается в новые замечательные формы. Рабочие собираются на квартирах и устраивают громкие читки речи на с'езде т. Жданова и доклада М. Горького. Они осаждают двери библиотек и нехватает стел экзemplаров книг, чтобы удовлетворить их спрос. Партийные активы собираются специально, чтобы обсудить итоги с'езда и выслушать отчеты писателей-делегатов. Это было бы самой яркой фактистикой, если бы не было действительностью!

Факт выхода специальной литературной газеты на Метрострое, газеты, которая будет постоянным периодическим органом, следует отнести в ряды всех этих явлений к наиболее значительным. Ударник Метростроя борется за лучший в мире метро, он строит его в самые ударные сроки, — и они сочли нужным создать у себя специальную литературную газету. Вот как необходимо нам художественное слово, — говорят они этим.

Характерно, как в первом же номере газеты это признание значения литературы реализуется. Газета резко критикует профсоюзные организации метро за то, что «со дня окончания с'езда прошло уже больше десяти дней», а проработка его решений еще не развернута в должной мере. Раз литература необходима, так за невнимание к ней критикуют так же, как за невнимание к промишленому, рабочему снабжению и т. д.

Это новое отношение страны к литературе нужно понять и сделать из него все выводы.

Отвечая на него может быть только добротная, высококачественная работа, — большая писательская ответственность; его можно оправдать только многими и многими хорошими книгами.

Десять веков

НАКАНУНЕ ЮБИЛЕЯ ФИРДОУСИ

ТИФЛИС, 14 сентября (ТАСС).

11 сентября в Эривани у зам. през. Совнаркома Армении т. Ерзинкян состоялся прием персидского историка и литератора г. Саид Нафиси, прибывшего в СССР в качестве представителя персидского правительства на юбилейные дни, посвященные памяти великого персидского поэта Фирдоуси. На приеме присутствовали члены правительства Армении, писатели, художники и научные работники.

Выступивший на приеме г. Нафиси выразил свою глубокую радость по поводу того, что в СССР и в частности в Армении тысячелетие Фирдоуси отмечается с таким вниманием и торжеством. Г-н Нафиси прочел отрывок из знаменитой поэмы Фирдоуси «Шах-Нам».

Днем 13 сентября в Тифлисе состоялось торжественное открытие выставки, посвященной творчеству Фирдоуси. На торжестве открыты присутствовали зам. през. Совнаркома Грузии т. Курулашвили, г. Нафиси, персидский консул г. Панназар, польский и итальянский консулы, представители науки, искусства, писатели и др.

В первом отделе выставки разработана тема «Фирдоуси и его поэма «Шах-Нам». Представлены манускрипты и основные издания персидского оригинала, а также древнерусские биографии Фирдоуси. Следующий отдел освещает историю «Шах-Нам» в грузинской литературе. Имеются редкие экземпляры древнегрузинских переводов и подражаний поэме «Шах-Нам».

ПРИЕЗД ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ ПЕРСИДСКОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА

Персидским правительством командированы для участия в юбилейных торжествах Фирдоуси в Москве известный персидский искусствовед г. Дибя и крупный историк и литератор г. Саид Нафиси. Оба они предлагают выступить 22 сентября на вечер, посвященный персидскому искусству и литературе, организуемому Всеобщим обществом культурной связи с заграницей.

спавоз «очевидца» об «ужасах» большевизма. В романе «Иба на Волге» он надевает маску наивного, сочувствующего коммунизму западного революционера, который несмотря на свое нескрипическое восхищение большевизмом видит столько «ужасов», что лучшие поэты социал-фашистов Манс Бартель, Карл Брегер и Генрих Лерш бросились приветствовать Гитлера и признались в восторженно воспевавшем фашизм, как раньше воспевали социал-демократические идеалы. Их нельзя назвать ренегатами, так же как нельзя назвать ренегатами по отношению к социал-демократической партии Лебе и Зверинга.

Уже много лет социал-фашистская литература выполняет роль козыря, буржуазной агентуры у рабочего-читателя.

Весь творческий путь Манса Бартеля пролинутил одним желанием: приспособиться к тем, кто взыскательнее в силе. Вплоть до своих ювенильных стихотворений Манс Бартель стремится постичь «внешнее благородство» буржуазной литературы. Основной образ его поэзии в это время — молодой рабочий, работающий у машины, но мечтающий о возвышении, везломом счастье; девушка, любящаяся у витрины красивыми платьями и воображающая себя богатой и счастливой. Почти целиком и уважение к буржуазной культуре, зависть к красивой жизни и к богатым, образованным людям, пользующимся всеми благами, — вот главные чувства героев Бартеля. И тогда, когда эти метры превращаются в грубую действительность, когда они кажутся недостижимыми, автор опустошает чувство невольности, protesta, готовности выступить и бороться за... подобные мечты. Слова о социализме, борьбе за лучшее будущее, произносятся лишь для того, чтобы метить за неудовлетворенность и обиду.

Во время империалистической войны Манс Бартель был провинником и патриотом. Он, как и остальные социал-демократические писатели, провозгласил «военную храбрость» и «свободу романа». К концу войны, когда поражение Германии стало очевидным и позиция мира казалась более выгодной, Манс Бартель стал панфистом.

После победы пролетарской революции в России, когда революция угрожала смети капиталистические основы всех буржуазных стран, Манс Бартель вместе с частью «заблудившейся от ужасов войны» мелкой буржуазии примкнул к революции, представляя, что ее победа осуществится уже давно желанные мечты о спокойной и красивой меланхолической жизни. Он успел написать ряд патетически-революционных стихов, побывать в Советском союзе, восхититься красным Уралом и пролетарским Петербургом. Но как только пролетарская революция в Германии была подавлена социал-демократией в союзе с самыми реакционными, монархическими силами, Манс Бартель «разочаровался» в своей «революционности», объявляя ее увлечением молодости и неопытности, и пришел с повинной головой в редакцию газеты «Фюрвер» и в социал-демократическую партию. Отречься ему пришлось от немалого — разве только от нескольких сочувственных русскому пролетариату стихотворений и высказываний. Остальные его стихотворения «революционного» периода были настолько фразерски-расплывчатыми, что их можно было спокойно перефразировать и перефразировать для социал-фашистских изданий, бывших в полнейшей революционной чуждости как смертного греха.

Вернувшись в лоно социал-демократии, Манс Бартель уселся стараться заглянуть свою «вину», исполнить свое «увлечение» советской страной целой серией очерков и рас-

СОЗДАЮТСЯ КНИГИ ОТЗЫВОВ ЧИТАТЕЛЕЙ

На днях в коллекторе кассовых библиотек состоялся для московских библиотечек доклад об итогах всеобщего с'езда писателей. Докладчик т. Фадеев подробно познакомил собравшихся с звукозаписью работы с'езда и поставил перед работниками библиотек ряд задач по продвижению современной художественной литературы в массы рабочих и колхозников.

По докладу развернулись оживленные прения. Библиотечари жестоко критиковали свои ошибки. Они отмечали, что «до сих пор в библиотеках слабо развернута работа с национальной художественной книгой», что «многие библиотеки переход с'езда вели массовую работу лишь с отдельными произведениями советской литературы, обычно «Подвигот-

ЗАКРЫТИЕ СЕЗОНА. ОТКРЫТИЕ СЕЗОНА.

СОЗДАЮТСЯ КНИГИ ОТЗЫВОВ ЧИТАТЕЛЕЙ

На днях в коллекторе кассовых библиотек состоялся для московских библиотечек доклад об итогах всеобщего с'езда писателей. Докладчик т. Фадеев подробно познакомил собравшихся с звукозаписью работы с'езда и поставил перед работниками библиотек ряд задач по продвижению современной художественной литературы в массы рабочих и колхозников.

По докладу развернулись оживленные прения. Библиотечари жестоко критиковали свои ошибки. Они отмечали, что «до сих пор в библиотеках слабо развернута работа с национальной художественной книгой», что «многие библиотеки переход с'езда вели массовую работу лишь с отдельными произведениями советской литературы, обычно «Подвигот-

Ленинград

БЕСЕДЫ С РАБОЧИМИ И ШКОЛЬНИКАМИ

9 сентября в турбинном пеще завода им. Сталина состоялась беседа т. Маршак с рабочими. В беседе, проводимой в порядке подготовки к заводской конференции по воспитанию детей, т. Маршак и выступавшие рабочие говорили о том, какой должна быть детская советская книжка.

11 сентября в подпольной школе в Выборгском районе состоялась беседа писателя Д. Соболева со школьниками четвертого и пятого классов. Тов. Соболев предлагает написать для детей книжку о флоте.

4 0 0 0 0 ЭКЗЕМПЛЯРОВ Н О В Ы Х К Н И Г

ШАХТЫ, 13 (Роста). Проработка решений всеобщего с'езда писателей вызвала огромный интерес горняков к художественной литературе. Горняцкие библиотеки получают 40000 экз. новых книг.

На шахте им. ОГПУ группа старых шахтеров начала сбор материалов для истории своей шахты.

В г. Шахты создается кабинет рабочего-автора.

ПРЕДОСТАВЛЕННЫ САМИМ СЕБЕ

На конференцию писателей Ленинграда мы возлагали большие надежды. Думали, что по докладу Либлинского будут подняты волнующие вопросы, однако прения были скромными.

Работник ленинградского горкома т. Мартынов правильно указал на совершенно недостаточное внимание к массовому литературному движению. Но не обошлось и без «каландушничества». Одни из авторитетных писателей заявили: сейчас меньше интересуются массово-литературным движением потому, что кружки уже дали все, что могли дать. Новые кадры даст школа, где детей учат грамоте и приучают к литературной работе. Это вполне утверждение осталось незамеченным.

Конференция не подняла голоса в защиту литкружков. Влагать же они крайне жалкое существование. Профсоюзы помогают им скверно. Например, на фабрике Красная работница в течение двух месяцев кружковцы оплачивали руковола из премии, полученной за работу кружка. Лучший кружок фабрики «Красная работница» перешел в ведение культурно-просветной комиссии завода, развалился. На фабрике «Первое мая» некий писатель Федор Смирнов, он же Олесев, свел знакомство с несколькими работниками газеты «Коммунарка». Они поощряли его на квартире. Контактируя с ними, он заставлял их читать и рассказывать. Пример заботливой и доброй помощи литкружкам можно встретить только на заводе «Электросила».

Недостаточное внимание работе литературных кружков уделяет и фабричные газеты. Между тем опыт показал, что кружки живут только там, где они концентрируются на лучших работниках, где они тесно связаны с редакцией заводской газеты. В противном случае заводской газете никто не интересуется, а между тем молодые инициативы растут из лучших литкружковцев. Журнал «Резерв» продолжает оставаться замкнутой, оторванной от массово-литературного движения.

О том, как хорошо прамление создается писателями массово-литературного движения, говорит такой факт: на выставке приуроченной к конференции, была помещена единственная фотография рабочего литкружка фабрики «Красная работница», сделанная... за два года до конференции. Но для же конференции кружок не существовал.

Пора ленинградским писателям и профсоюзам понять, что нельзя отказываться от повседневной помощи литературно-массовому движению.

Л. БРИТУС, ЛИХТЕНШТЕЙН,
СТАТИНА, О. МЕРХАНОВА,
Л. КОНДРАТЕНКО, СМЕТА-
НИНА, СМЕКАВОНСКАЯ.

★ В статье «Транвополь» (Звезда) в ознаменование с'езда писателей организован литкружок. Вошло в него в чел. На первом собрании кружковцы приняли постановление бороться за повышение своей литературной грамотности и провести уборочную без потерь и в сокращенные сроки.

★ Литоб'единение при газете «Транвополь» Старожилской МТС (Московская обл.) издало 3-я выпуск колхозных частушек. Авторы обобщили — 70 колхозников и колхозниц. Всего написано около 2000 частушек.

★ Во дворце культуры уральского г. Колыска (Урал) открылась выставка художественной литературы. Перед читателями представлены основные произведения писателей СССР. Ид на выставку запросом посетителей, библиотека приоткрыла и провела беседу о творчестве гг. Горького, Шолохова, Серафимовича и др.

★ Оргкомитет ССН Восточной Сибири провел конкурс на лучшее художественное произведение. Рукописи поступили от 130 авторов, преобладают поэтические жанры. Жюри выделило 21 автора.

После поражения революции Кирьян терпит под ногами почву, переживает сатания, отрывается от партийной работы, несмотря на то, что имеет конкретное партийное задание (партийное письмо). Его партийные друзья Иван и Мария тоже отошли от революции, создали своей сельский уют, зажили тихой мещанской жизнью.

И вот Кирьян видит своих друзей: «На зеленой долине, облитой вечерним солнцем, среди калуги виднелись их круглые затылки, большая черная и меньший синий, неговорящие тоскующиеся рыцарком, как эмблема покоя. И было в образе том такое гадкое что-то, такое противное, что Кирьян вздрогнул».

Не потянул он оторода, а подался к себе. И первое, что он сделал, — засунул руку в карман и вытащил письмо. Потертое, помятое и серое. Разорвал конверт и читал. Нет, еще не поздно! Нашел, наконец, что нужно сделать. И когда разбирал при сумрачном свете желтое письмо, к нему с балкона позвонил голос Марии:

Питие чай пить!

Но Кирьян не откликнулся. Образ представлял той революционной части мелкой буржуазии, которая жила и переживала сатания и сомнения после поражения революции, но от революции не отошла.

Коплюбинский, как и Кирьян, «слушит» свои сомнения, ищет, «что нужно сделать».

Коплюбинский продолжал путь от народнического-битового реализма к реализму критическому.

Наследство, которое он оставил, высоко ценится пролетариатом и трудящимися советской Украины.

И. СТЕВАН

Библиотека поэта

И. СЕРГИЕВСКИЙ

тыты эти были весьма неожиданные. Выяснилось, что при довольно хорошем знакомстве с историко-политической или социально-политической терминологией современных массовый читатель обнаруживает почти полную бесспособность в бытовом слове пушкинского времени. Это особенно важно иметь в виду при комментировании текстов, еще более архаичных. Возьмем наудачу любое стихотворение Державина, хотя бы «Вильмуху» (письмо фигурирует «двух» «англичан», «стихи», «даны» и т. д. Нигде все это не объяснено. Конечно, существует старое толковательное приращение, что «комментарий не может охватывать ниже какого-то культурного уровня, а именно того культурного уровня, какой необходим для общего понимания читаемого произведения» (В. Томашевский, «Писатели и книги», стр. 203). Можно с полной уверенностью утверждать, однако, что не существует сейчас читателя, располагающего достаточным культурным уровнем для общего понимания Державина, но смутно представляющий себе, что такое «титаны» и «даны».

Такого рода словарь отсутствует, кстати, в выпуске посвященном Державину Давыдову. Почему? Непопулярно: мифологических понятий, архаичных слов и оборотов у Дениса Давыдова, сколько угодно. В комментарии же останавливаются на их объяснении редактор не считает нужным. Нескольким слов относительно биографических материалов в сопроводительном аппарате «Библиотеки». В выпуске, посвященном Денису Давыдову, дана краткая биографическая справка о нем; в выпусках, посвященных иронико-комической поэме и поэмам-исключениям, подобные справки даны о каждом из представленных в этих сборниках поэтов, но в данном выпуске биографические замечания хронологической канвой его жизни и творчества. Насколько закономерна такая замена — большой вопрос, вопрос, тем более заслуживающий внимания, тем в какой мере это скрывается некоторая обща тенденция, которой придерживается, очевидно, целый ряд работников в области изучения классиков исследователей. В упомянувшейся уже красновской издании Пушкина сначала, например, была обещана биография Пушкина, но по тому (может быть, вследствие смерти Цеткова, который должен был писать эту биографию) она была также заменена хронологической канвой.

Биографическая канва может служить очень хорошим и нужным дополнением к драматической биографии, но заменять одно другим вряд ли следует.

Наконец, о самой серьезной, самой ответственной части комментария: сопроводительных статей. Эту самую серьезную, самую ответственную часть его приходится признать, к сожалению, наименее удавшейся, и в этом, бесспорно, крупнейший дефект «Библиотеки».

Дело не в том, что едва ли не все эти статьи вызывают ряд возражений по существу. Можно говорить о том, что Виноградов в статье о Державине определенно переопределяет удельный вес реакционных феодально-крупнопомещичьих элементов в творчестве Державина и недостаточно четко отделяет в ней черты политического волюнтаризма.

Вопросы, посвященные Державину и иронико-комической поэме, снабжены еще краткими словарными мифологическими понятиями, архаизмами и т. д. Словарки эти, по нашему мнению, должны быть расширены. Вообще говоря, степень знакомства современных читателей со всей этой словарной архаикой неясно еще представляется нашим комментаторам. В свое время при комментировании красновской канвы Пушкина была предпринята попытка прояснить этот вопрос экспериментальным путем. О постановке этого интересного эксперимента и результатах его в печати, к сожалению, подробно не сообщалось. Но известно, что результаты эти были весьма неожиданные.

Вопросы, посвященные Державину и иронико-комической поэме, снабжены еще краткими словарными мифологическими понятиями, архаизмами и т. д. Словарки эти, по нашему мнению, должны быть расширены. Вообще говоря, степень знакомства современных читателей со всей этой словарной архаикой неясно еще представляется нашим комментаторам. В свое время при комментировании красновской канвы Пушкина была предпринята попытка прояснить этот вопрос экспериментальным путем. О постановке этого интересного эксперимента и результатах его в печати, к сожалению, подробно не сообщалось. Но известно, что результаты эти были весьма неожиданные.

Вопросы, посвященные Державину и иронико-комической поэме, снабжены еще краткими словарными мифологическими понятиями, архаизмами и т. д. Словарки эти, по нашему мнению, должны быть расширены. Вообще говоря, степень знакомства современных читателей со всей этой словарной архаикой неясно еще представляется нашим комментаторам. В свое время при комментировании красновской канвы Пушкина была предпринята попытка прояснить этот вопрос экспериментальным путем. О постановке этого интересного эксперимента и результатах его в печати, к сожалению, подробно не сообщалось. Но известно, что результаты эти были весьма неожиданные.

Вопросы, посвященные Державину и иронико-комической поэме, снабжены еще краткими словарными мифологическими понятиями, архаизмами и т. д. Словарки эти, по нашему мнению, должны быть расширены. Вообще говоря, степень знакомства современных читателей со всей этой словарной архаикой неясно еще представляется нашим комментаторам. В свое время при комментировании красновской канвы Пушкина была предпринята попытка прояснить этот вопрос экспериментальным путем. О постановке этого интересного эксперимента и результатах его в печати, к сожалению, подробно не сообщалось. Но известно, что результаты эти были весьма неожиданные.

Вопросы, посвященные Державину и иронико-комической поэме, снабжены еще краткими словарными мифологическими понятиями, архаизмами и т. д. Словарки эти, по нашему мнению, должны быть расширены. Вообще говоря, степень знакомства современных читателей со всей этой словарной архаикой неясно еще представляется нашим комментаторам. В свое время при комментировании красновской канвы Пушкина была предпринята попытка прояснить этот вопрос экспериментальным путем. О постановке этого интересного эксперимента и результатах его в печати, к сожалению, подробно не сообщалось. Но известно, что результаты эти были весьма неожиданные.

Вопросы, посвященные Державину и иронико-комической поэме, снабжены еще краткими словарными мифологическими понятиями, архаизмами и т. д. Словарки эти, по нашему мнению, должны быть расширены. Вообще говоря, степень знакомства современных читателей со всей этой словарной архаикой неясно еще представляется нашим комментаторам. В свое время при комментировании красновской канвы Пушкина была предпринята попытка прояснить этот вопрос экспериментальным путем. О постановке этого интересного эксперимента и результатах его в печати, к сожалению, подробно не сообщалось. Но известно, что результаты эти были весьма неожиданные.

Вопросы, посвященные Державину и иронико-комической поэме, снабжены еще краткими словарными мифологическими понятиями, архаизмами и т. д. Словарки эти, по нашему мнению, должны быть расширены. Вообще говоря, степень знакомства современных читателей со всей этой словарной архаикой неясно еще представляется нашим комментаторам. В свое время при комментировании красновской канвы Пушкина была предпринята попытка прояснить этот вопрос экспериментальным путем. О постановке этого интересного эксперимента и результатах его в печати, к сожалению, подробно не сообщалось. Но известно, что результаты эти были весьма неожиданные.

Вопросы, посвященные Державину и иронико-комической поэме, снабжены еще краткими словарными мифологическими понятиями, архаизмами и т. д. Словарки эти, по нашему мнению, должны быть расширены. Вообще говоря, степень знакомства современных читателей со всей этой словарной архаикой неясно еще представляется нашим комментаторам. В свое время при комментировании красновской канвы Пушкина была предпринята попытка прояснить этот вопрос экспериментальным путем. О постановке этого интересного эксперимента и результатах его в печати, к сожалению, подробно не сообщалось. Но известно, что результаты эти были весьма неожиданные.

Вопросы, посвященные Державину и иронико-комической поэме, снабжены еще краткими словарными мифологическими понятиями, архаизмами и т. д. Словарки эти, по нашему мнению, должны быть расширены. Вообще говоря, степень знакомства современных читателей со всей этой словарной архаикой неясно еще представляется нашим комментаторам. В свое время при комментировании красновской канвы Пушкина была предпринята попытка прояснить этот вопрос экспериментальным путем. О постановке этого интересного эксперимента и результатах его в печати, к сожалению, подробно не сообщалось. Но известно, что результаты эти были весьма неожиданные.

Вопросы, посвященные Державину и иронико-комической поэме, снабжены еще краткими словарными мифологическими понятиями, архаизмами и т. д. Словарки эти, по нашему мнению, должны быть расширены. Вообще говоря, степень знакомства современных читателей со всей этой словарной архаикой неясно еще представляется нашим комментаторам. В свое время при комментировании красновской канвы Пушкина была предпринята попытка прояснить этот вопрос экспериментальным путем. О постановке этого интересного эксперимента и результатах его в печати, к сожалению, подробно не сообщалось. Но известно, что результаты эти были весьма неожиданные.

Вопросы, посвященные Державину и иронико-комической поэме, снабжены еще краткими словарными мифологическими понятиями, архаизмами и т. д. Словарки эти, по нашему мнению, должны быть расширены. Вообще говоря, степень знакомства современных читателей со всей этой словарной архаикой неясно еще представляется нашим комментаторам. В свое время при комментировании красновской канвы Пушкина была предпринята попытка прояснить этот вопрос экспериментальным путем. О постановке этого интересного эксперимента и результатах его в печати, к сожалению, подробно не сообщалось. Но известно, что результаты эти были весьма неожиданные.

Вопросы, посвященные Державину и иронико-комической поэме, снабжены еще краткими словарными мифологическими понятиями, архаизмами и т. д. Словарки эти, по нашему мнению, должны быть расширены. Вообще говоря, степень знакомства современных читателей со всей этой словарной архаикой неясно еще представляется нашим комментаторам. В свое время при комментировании красновской канвы Пушкина была предпринята попытка прояснить этот вопрос экспериментальным путем. О постановке этого интересного эксперимента и результатах его в печати, к сожалению, подробно не сообщалось. Но известно, что результаты эти были весьма неожиданные.

Вопросы, посвященные Державину и иронико-комической поэме, снабжены еще краткими словарными мифологическими понятиями, архаизмами и т. д. Словарки эти, по нашему мнению, должны быть расширены. Вообще говоря, степень знакомства современных читателей со всей этой словарной архаикой неясно еще представляется нашим комментаторам. В свое время при комментировании красновской канвы Пушкина была предпринята попытка прояснить этот вопрос экспериментальным путем. О постановке этого интересного эксперимента и результатах его в печати, к сожалению, подробно не сообщалось. Но известно, что результаты эти были весьма неожиданные.

Вопросы, посвященные Державину и иронико-комической поэме, снабжены еще краткими словарными мифологическими понятиями, архаизмами и т. д. Словарки эти, по нашему мнению, должны быть расширены. Вообще говоря, степень знакомства современных читателей со всей этой словарной архаикой неясно еще представляется нашим комментаторам. В свое время при комментировании красновской канвы Пушкина была предпринята попытка прояснить этот вопрос экспериментальным путем. О постановке этого интересного эксперимента и результатах его в печати, к сожалению, подробно не сообщалось. Но известно, что результаты эти были весьма неожиданные.

Вопросы, посвященные Державину и иронико-комической поэме, снабжены еще краткими словарными мифологическими понятиями, архаизмами и т. д. Словарки эти, по нашему мнению, должны быть расширены. Вообще говоря, степень знакомства современных читателей со всей этой словарной архаикой неясно еще представляется нашим комментаторам. В свое время при комментировании красновской канвы Пушкина была предпринята попытка прояснить этот вопрос экспериментальным путем. О постановке этого интересного эксперимента и результатах его в печати, к сожалению, подробно не сообщалось. Но известно, что результаты эти были весьма неожиданные.

Вопросы, посвященные Державину и иронико-комической поэме, снабжены еще краткими словарными мифологическими понятиями, архаизмами и т. д. Словарки эти, по нашему мнению, должны быть расширены. Вообще говоря, степень знакомства современных читателей со всей этой словарной архаикой неясно еще представляется нашим комментаторам. В свое время при комментировании красновской канвы Пушкина была предпринята попытка прояснить этот вопрос экспериментальным путем. О постановке этого интересного эксперимента и результатах его в печати, к сожалению, подробно не сообщалось. Но известно, что результаты эти были весьма неожиданные.

Вопросы, посвященные Державину и иронико-комической поэме, снабжены еще краткими словарными мифологическими понятиями, архаизмами и т. д. Словарки эти, по нашему мнению, должны быть расширены. Вообще говоря, степень знакомства современных читателей со всей этой словарной архаикой неясно еще представляется нашим комментаторам. В свое время при комментировании красновской канвы Пушкина была предпринята попытка прояснить этот вопрос экспериментальным путем. О постановке этого интересного эксперимента и результатах его в печати, к сожалению, подробно не сообщалось. Но известно, что результаты эти были весьма неожиданные.

Вопросы, посвященные Державину и иронико-комической поэме, снабжены еще краткими словарными мифологическими понятиями, архаизмами и т. д. Словарки эти, по нашему мнению, должны быть расширены. Вообще говоря, степень знакомства современных читателей со всей этой словарной архаикой неясно еще представляется нашим комментаторам. В свое время при комментировании красновской канвы Пушкина была предпринята попытка прояснить этот вопрос экспериментальным путем. О постановке этого интересного эксперимента и результатах его в печати, к сожалению, подробно не сообщалось. Но известно, что результаты эти были весьма неожиданные.

Вопросы, посвященные Державину и иронико-комической поэме, снабжены еще краткими словарными мифологическими понятиями, архаизмами и т. д. Словарки эти, по нашему мнению, должны быть расширены. Вообще говоря, степень знакомства современных читателей со всей этой словарной архаикой неясно еще представляется нашим комментаторам. В свое время при комментировании красновской канвы Пушкина была предпринята попытка прояснить этот вопрос экспериментальным путем. О постановке этого интересного эксперимента и результатах его в печати, к сожалению, подробно не сообщалось. Но известно, что результаты эти были весьма неожиданные.

Одним из наиболее значительных начинаний по освоению поэтической культуры прошлого является предпринятая Ленинградским издательством серия книг, по инициативе и под общ. редакцией Максима Горького, «Библиотека поэта» — издание, по своему объему плану и по своим исходным установкам неслыханно расширяющее на ленинском учении о культурном наследии прошлого как основе борьбы за культуру настоящего и будущего.

Как обстоят дела с практическим осуществлением этой задачи? Перед нами первые шесть выпусков «Библиотеки», дающие достаточный материал для суждений на эту тему. Общий вывод, который позволительно было бы сделать на основании этих шести выпусков, можно было бы сформулировать следующим образом: в основном редакция подошла к осуществлению поставленной задачи безусловно правильно, однако разрешена она не в полном объеме, и не во всех своих элементах предлагаемые решения могут быть признаны в равной мере удовлетворительными.

Первое, что следует отметить в качестве одного из положительных явлений энциклопедической «Библиотеки»: чрезвычайно высокий уровень редакторской работы по отбору и подаче текстов. Отдельные выпуски «Библиотеки» являются поистине классическими в этом отношении. Так, например, выпуск, посвященный Рылееву, на материале которого исследователи, работающие в области энциклопедии, и комментаторы могут учиться, а о текстологическом уровне «Библиотеки» в целом.

Остановимся на первом выпуске, посвященном Державину. Повторяется последнее в коллективном отношении исключительно остро и громоздко. В издательском издании (лучшем и наиболее полном из существующих) лирические произведения занимают три объема, тогда как в них собраны еще не все его лирика; многие отсюда до сих пор не было опубликовано, многие остались не опубликованы и по сей день. Для настоящего издания редактором текстовой его части отобрано около 200 вещей, и несмотря на всю жесткость подобного отбора, в издании представлено действительно все наиболее характерное, наиболее полно рисующее творческий профиль Державина.

По иному типу построены выпуски, посвященные Денису Давыдову, Дельвику, Рылееву. В редакторском предисловии ко всем «Библиотеке» содержится следующие строки: «Принцип «полюс» избираний, при котором единственно руковолающим критерием является понятие о художественной или общественной ценности или характеристике, оказалась не всегда приемлемым».

Минусом выпуска, посвященного иронико-комической поэме, является некоторая неадекватность обилию материала. Шуточные поэмы начала XIX в. «Опасный сосед» Василия Пушкина и «Расширенные шубы» Шаховского производят впечатление несколько пошлого.

Державин. Стихотворения. Ред. и прим. Г. Гукоского. Вступ. ст. И. А. Виноградова, стр. 663, тир. 5500, ц. 12 р. 50 к., пер. 2 р. 50 к.

Иронико-комическая поэма. Ред. и прим. В. Томашевского. Вступ. ст. В. А. Десницкого; стр. 735, тир. 3300, ц. 10 р. 50 к., пер. 2 р.

Денис Давыдов. Полное собрание стихотворений. Ред. и прим. В. И. Орлова. Вступ. ст. В. М. Саянова и Б. М. Эйхенбаума; стр. 803, тир. 4500, ц. 6 р. 25 к., пер. 1 р. 25 к.

Поэмы «Искры». Ред. и прим. И. Ямского. Вступ. ст. А. П. Селивановского; стр. 756, тир. 4000, ц. 10 р., пер. 2 р.

Рылеев. Полное собрание стихотворений. Ред. и прим. Ю. Г. Оксман. Вступ. ст. В. Горьмана; стр. 571, тир. 5500, ц. 9 р., пер. 1 р.

Дельвиг. Полное собрание стихотворений. Ред. и прим. В. Томашевского. Вступ. ст. И. Виноградова и В. Томашевского, стр. 551, тир. 5500, ц. 8 р. 25 к., пер. 1 р. 25 к.

«...Культурный человек рад excellence, европеец с головы до пят, он, можно сказать, был настоящим «аристократом духа» в наилучшем понимании этого слова» (Эфремов).

Сделать из писателя «аристократа духа», «чистого аиста», объявить основной творческой линией именно те стороны творчества писателя, которые приближали его к идеологии украинской буржуазии, — такую задачу ставили и ставят себе украинские националисты.

Характерны для творчества Коплюбинского черт, явно враждебных буржуазной реакции, украинские националисты «не замечают».

Фальсифицируя творчество Коплюбинского, они стараются противопоставить литературное наследие поэта советской культуре и литературе.

«...Коплюбинский с его ясной техникой, с прозрачным рисунком, с оригинальным стилем и языком, с глубоким проникновением в человеческую душу и абсолютной непротивностью к пропагандистским намерениям, с его наконец, высоко-человеческим талантом, что в самой сути противоречит быту и тенденциям времени, еще больше не под силу тенденциям моноидеологам от литературы. Он для них «устарел»...» (С. Евфремов).

Так, талант Коплюбинского противоречит быту и тенденциям, но быту и тенденциям украинской контрреволюции. Советская культура высоко ценит и никому не отдаст на откуп творчество Коплюбинского.

Путь Коплюбинского — путь «сложный», полный противоречий, путь той части мелкобуржуазной интеллигенции начала XIX — начала XX вв., которая не могла оставаться нейтральной в социальных сдвигах.

Путь Коплюбинского — путь разочарованной и исканий, песенника и полемиста, с перспективой осознания революционного пути к «жизни человеческой»: путь через разочарование в народнических идеалах в «спросивистстве» в буржуазии и крестьянстве как классах, не способных вывести человечество к «лучшей жизни».

Идейно-творческие позиции Коплюбинского 90—900 гг. типичны народнических. Он в плане народнических идей («Андрей Соловьев», «На виру», «Пятизвоник», «Шолохов» и др.).

Но и в произведениях этого периода уже есть тенденции преодоления этих идей. За это говорят отсутствие традиционной «сельской идиллии», подчеркивание классово-социальных проблем («На виру», «Яланка»).

Коплюбинский, как и Гнат из рассказа «На виру», не видит настоящие выходы из этого социального «горя». Образы социальных протестов (Семен из рассказа «Шолохов», Олександр из «На виру», Максим из «Полюс») хоть и выходят за рамки народнических штампов, но все же это образы пассивные, бессильные в борьбе.

ПРЕСЛЕДОВАНИЕ ИНОСТРАННЫХ КОРРЕСПОНДЕНТОВ В ГЕРМАНИИ. Жена известного американского писателя Симона Льюиса Дороти Томпсон была выслана из Германии, так как том ее корреспонденции не понравился фашистским властям. На снимке: г-жа Томпсон по прибытии в Париж.

ЛИТЕРАТУРНЫЕ ГАСТРОЛИ РОЗЕНБЕРГА И КО

Близ г. Траверсвилле в Северной Германии состоялось торжественное открытие Германско-скандинавского Дома писателя. В этом доме ежегодно вместе с германскими писателями должен гостить скандинавский. «Гости» избираются союзами писателей в каждой из четырех скандинавских стран. От Норвегии уже прислан избранный писатель Свен.

Открытие Германско-скандинавского Дома писателя сопровождалось пышными фашистскими церемониями и усложненной пропагандой целей и методов «стрелы империи».

Датская газета «Политикен» сообщает следующие подробности церемонии открытия Дома:

«На центральной площади Любека была выстроена колонна, высеченная из гранита, с надписью «Стелла молодости и страсти морских». За столом почетных гостей сидели среди других норвежский писатель Иоганн Бюлер.

Альфред Розенберг в своей прощальной речи заявил, между прочим, следующее: «Германия знает, что Европе и прибалтийским государствам не легче от того, что одному из них хорошо живется, а другим плохо. Необходимо сотрудничество в области культуры и экономики... Мы верим в то, что над различными системами правления и внутренней политики существует общность судьбы Скандинавии и балтийских стран».

В заключение своей речи Розенберг выразил уверенность, что в будущем фашистским путем: северные страны нараспашку думают, что они должны перейти от нас специфически германское мировоззрение, но мы можем их заверить, что в один прекрасный день они сами последуют за новым временем, и у них создастся мировоззрение, параллельное нашему. Адольф Гитлер не только символ германского возрождения, но и надежда всего мира и знаменосец нового мира».

Писатель Иоганн Бюлер от имени норвежского союза писателей сердечно благодарил за приглашение жить в этом доме. Он выразил надежду, что Дом писателя станет местом, где немцы и норвежцы станут союзниками».

Союз рабочих норвежских писателей обратился к членам норвежского союза писателей с вопросом: согласны ли они с выступлением их председателя и особенно с его восторженным отношением к национал-социализму и германской литературе?

«Нам нечего напоминать», — говорится в письме союза, — о скитаниях литературы по кострам. Излишне также повторять, что сотни германских писателей жили в тюрьмах и концлагерях и ждали там казни, но мы считаем, что большинство норвежского народа с большим или меньшим отращиванием поринат метод германского фашизма и считает их большим шагом назад к варварству.

В связи с этим общественность имеет право требовать ясного ответа на вопрос, каковы же позиции норвежского союза писателей?

КОЦЮБИНСКИЙ

К 70-летию со дня рождения

Из классиков украинской литературы имя М. М. Коплюбинского вполне заслуженно является наиболее популярным среди читателей СССР; почти все его произведения переведены на русский язык, многие из них переведены и на другие языки народов СССР.

Писатель большой художественной силы, прекрасный мастер слова, Коплюбинский первый в украинской литературе дерзнул разорвать узкий, аутистичный валище украинской культуры круг национальной замкнутости, выйти на широкую тематическую дорогу.

Нельзя не отметить того решающего фактора, который помог в этом Коплюбинскому. Мы здесь имеем в виду громадную роль А. М. Горького.

Личная дружба между писателями, конкретная помощь со стороны А. М. Горького, советы, к которым так чутко прислушивался Коплюбинский, предопределили его идейно-творческий путь.

Как ни странно, до сих пор творчество Коплюбинского не имеет достаточно глубокой марксо-ленинской оценки, и это становится актуальным вопросом нашего литературоведческого фронта, тем более что вокруг творчества Коплюбинского до сих пор активно «сражались» буржуазно-националистические фальсификаторы, стремившиеся в своих «трактатах» нейтрализовать социальную насыщенность его творчества, подкрашивать творчество писателя под свой националистический цвет.

«...Коплюбинский с его ясной техникой, с прозрачным рисунком, с оригинальным стилем и языком, с глубоким проникновением в человеческую душу и абсолютной непротивностью к пропагандистским намерениям, с его наконец, высоко-человеческим талантом, что в самой сути противоречит быту и тенденциям времени, еще больше не под силу тенденциям моноидеологам от литературы. Он для них «устарел»...» (С. Евфремов).

Так, талант Коплюбинского противоречит быту и тенденциям, но быту и тенденциям украинской контрреволюции. Советская культура высоко ценит и никому не отдаст на откуп творчество Коплюбинского.

«Где правда?» Дальнее это вопроса не поднимается их «протестантизм».

Почеркнув далеко не по-народнически классовое расделение крестьянства («Шолохов»), неизбежность классовых конфликтов, Коплюбинский старается отыскать социальную перспективу классовых противоречий.

Но где же та сила, которая выведет человечество к «жизни лучшей»? В сказке «Хо» (1894) Коплюбинский еще полон веры в молодую украинскую буржуазную интеллигенцию, в ее мессиаскую «приспириталистскую» роль. Он поет славу ее бесстрашию, перне, он хочет в нее верить, он ищет в ней «мессию», но скоро наталкивается на ее бессилие (образ Тиховича из рассказа «Для заглавного тора», 1895) и, наконец, разубеждается в ее «демократичности» (образ Солонина из рассказа «Посол от Черного пара», 1896). «Своим демократизмом, либерализмом и другими «измами» он (Солоника) только прикрывала себя, как вот чудесным образом свою строительную фигуру».

В повеле «Людская» (1901) Коплюбинский дает острую сатиру на «приспириталистскую» интеллигенцию, окончательно разубеждавшись в ее бессилии. Образ учителя Яныса

Девичко — образ «приспириталистского» Дон-Кихота — лишен всякой перспективности.

Разочарованный в «мессииаской» роли национальной буржуазной интеллигенции, Коплюбинский ищет в полном неверии в самостоятельную революционную роль крестьянства.

«Будь исти? Где правду искать? Он (Иван Калыуба) никому не верил».

Разные мужик знает? — Если бы пришел кто-нибудь другой, выходящий, противя руку, назвал бы. А мужик? Что знает мужик? Она на нем пикура и та в латках («Fata Morgana»).

Но кто же тот «другой, выходящий», который протянул руку, показал путь?

Коплюбинский как большой художник приближался к осознанию этого «другого» — единственно-последовательной революционной силе, способной указать путь. — пролетариату. Мы имеем в виду образ рабочего Марка Луши.

И именно то, что в последней главе «Fata Morgana» (во время расправы с революционерами) Марко Луша не гибнет, спасается, говорит о перспективности этого образа. Нет сомнений, что если бы не такая ранняя

смерть

Шах-Намэ

«ШАХ-НАМЭ», ИЛИ «КНИГА ЦАРЯ», — ОСНОВНАЯ ПОЭМА ПЕРСИДСКОГО ПОЭТА Х. В. ФИРДОУСИ, ТЫСЯЧЕЛЕТНИЙ ЮБИЛЕЙ КОТОРОГО ПРАЗДНУЕТСЯ В ПЕРСИИ 4-17 ОКТЯБРЯ ЭТОГО ГОДА.

ОСНОВНОЙ ГЕРОЙ «ШАХ-НАМЭ» — БОГАТЫРЬ РУСТЕМ. НИЖЕ МЫ ПРИВОДИМ ОТРЫВОК ПОВЕСТИЮЩИЙ О ТРАГИЧЕСКОМ УБИЙСТВЕ РУСТЕМОМ СВОЕГО СЫНА СОХРАБ. СОХРАБ ВОСПИТЫВАЛСЯ В ТУРАНЕ У ДАДА И ОТЦА. ВОЗМУЖАВ, ОН ИЩЕТ ПОДВИГОВ И СЛАВЫ, ВСТРЕЧАЕТСЯ С РУСТЕМОМ И ВСТУПАЕТ С НИМ В ЕДИНОБОРСТВО. НИ ОТЕЦ, НИ СЫН НЕ ЗНАЮТ ДРУГ ДРУГА В ЛИЦО.

Вой Рустьема и Сохраба. Миниатюра XVI в. из персидского рукописи «Шах-Намэ». Британский музей.

«Где знак у тебя от отца твоего? Да смейт мне витязей ния аго! Веди я же — Рустьем. Пусть умру безымян, Пусть сидит оплакивать сына Дестан!»

Конец привязки для новой борьбы. Настало свершение враждебной судьбы. Где злобой судьбы надвигается тень, Становится всему подобен ярень.

И в груди смелосердый Сохраб возжал, Как только ты чей-либо кровью залжал, Как только злантиан твой светлый кинжал, Ты личной судьбе своею кровью предзжал.

Изилился Сохраб и вздохнул тяжело, Оставил мечты про добро и про зло. Сказал: «Этот мне за мой же дела. Судьба в твои руки мой плеч отдала. Согонней спины, не твоя здесь вина; Меня вознесла и убила она.

И силю, и мощь потерял пехлеван, И с ног повалился, и пал бездыхан. Потом в разуменье пришел и спросил, Рыдая и горько стена, возгласил:

Рустьем над телом Сохраба. Миниатюра XVI в. из персидского рукописи «Шах-Намэ». Британский музей.

История гражданской войны, над которой работает теперь коллективная мысль партизан и ученых, писателей и командиров, несомненно, даст нам отчетливые портреты многих заметных и незаметных героев революционных боев, портреты, пока еще не дорисованные. Потому попытка участников гражданской войны оживить лица ее бойцов не только с их суровым мужеством и преданностью пролетарской революции, но также с их человеческими слабостями и подчас комическим своеобразием характера — ценна и интересна.

При этом мы имеем, естественно, в виду не статуи биографии отдельного лица. Много интереснее биография в действии, когда характер и особенности человека не столько описываются, сколько раскрываются в разнообразных эпизодах и когда он появляется перед нами, естественно, не один, а в окружении боевых друзей, врагов, действии, случаях, событиях и мыслях. Только при таких условиях облик бойца революции не облекается в пыльную абстракцию; он не отделим от бурной и противоречивой эпохи. Так мы создаем наряду с биографией научной художественную биографию.

Один из таких людей, правдивая эпопея которых захватывает сильнее художественного вымысла, — вождь бессарабских партизан, а впоследствии один из лучших командиров красной конницы — Григорий Котовский.

Личность Котовского и связанная с ним эпопея красной кавалерии мало отражена в советской художественной прозе. Мы не знаем рассказа, охватывающего все многообразие фактов эпопеи. Этот пробел собирает А. Гарин «Огонь» в известной мере пополняет. Целостного облика Котовского очерки-рассказы цикла «Огонь» не воссоздают: фигура его очерчена слишком скупо, но все же каждый рассказ построен таким образом, что приближает к этой фигуре новый характерный штрих.

Наиболее типичен для этого цикла динамический портрет — облик человека в действии. Обособленные портреты («Спасер Кутузовых») здесь составляют исключение: образ дан на фоне боевого эпизода. Так проходит перед нами мекленбургский старик Дмитрий Чабан, потерявший в бою трех сыновей и погибший в неравной схватке с бандаитами, веселый тринадцатилетний горник Колька, командир эскадрона Прокопий Черекан — «человек с железным сердцем», машинист Кулябо, в ожидании прихода красных героически охраняющий грузный снарядом разбитый эшелон.

Фигура Котовского — молодого предводителя бессарабских повстанцев — появляется в одном из первых рассказов как фигура загадочного гостя, посетившего сельскую избу в крещенскую полночь, в пору святочного гаданья и через четыре-пять лет вернувшегося в то же село командиром красной конницы. Для первого появления героя эпопея используется типичный сюжетный ход приключенческой новеллы («Стенные часы-ходики в школьном мезонине показывали ровно двенадцать часов, когда в окно кто-то постучал»), но редкость нас в появлении Котовского является обстановка крестьянских восстаний первой револю-

Система Литература 1934

О ТЕОРИИ ЛИТЕРАТУРЫ

Каков тот круг проблем, которые сейчас в особенности остро стоят перед нами в области теории литературы, каковы те задачи, которые мы в первую очередь должны стремиться разрешить? Мы прежде всего до сих пор стоим перед резким разрывом между нашими общетеоретическими работами о литературе и работами, анализирующими непосредственно ее художественную ткань, — язык, композиция, стихосложение и т. п. Все эти наблюдения до сих пор широко не осмыслены, мы не умеем в них разобраться в должной степени, полагая их анализ общим принципом нашей теории познания. Отсюда — мы не умеем в должной степени использовать накопленного именно в этой области материала. А как раз здесь мы найдем много ценного. Чем неудовлетворительнее старые, так называемые схоластические, школьные и т. п. поэтики? Резким отрывом от идейного содержания произведения, примитивной нормативностью и т. п. Но в них не менее живая связь с материалом, тщательное его описание, громадное количество фактов, ряд верных наблюдений по технологии творчества. По материалу работы они сохраняют для нас свою актуальность. Переоценка, переосмысление их отнюдь не послужит нашей задаче. А переосмыслим мы их тогда, когда продумаем прежде всего основное положение марксистской эстетики, которое она с полным основанием берет у Гегеля (наука о эстетике которого у нас едва лишь начато), положение о содержательности и историчности формы.

Современность очень остро ставит перед нами эти проблемы. А. М. Горький в своих статьях о языке совершенно справедливо подчеркивал, что ошибки в области языка являются ошибками и в области мысли писателя. «Правда» требует от нашей критики «умения разгадывать чудные и выдающиеся тенденции... маскарные возможности словесными и языковыми выкрутками» — все это указание, которые можно выполнять, лишь овладев анализом содержательной формы как формы содержательной. Эта работа может быть осуществлена как историческими наблюдениями, так и теоретическими

в эпизоде. И в такой ограниченности показа, может быть, больше всего сказывается очерковый характер цикла. Убедительно показано здесь одно характерное отличие красной конницы, — это глубоко культурное отношение ее к населению, резко противопоставленное мародерским «прищипкам» парских, белых и «желто-блужающих» войск, и беспощадность Котовского к тем из подчиненных, которые своим поведением «пачкали знамя бригады».

По форме повествования только немногие из рассказов — целиком от первого лица. В остальных автор либо упоминается очень кратко, либо подразумевается. Иногда на основе виденного или услышанного он дописывает картину недостающим ей типажом и деталями действия, тем самым придавая своим эпизодам чистое новеллистическое свойство (фигура ген. Перемыкина в рассказе «Конец Петлюры»).

Иногда рассказы представляют собою, повидному, воспроизведение услышанных бесед — безымянных («У костра») или индивидуальных («Божья гора»). Записи «У костра» не совсем в плане остальных частей цикла. Довольно любопытные по существу как запечатлывающие бесхитростные высказывания рядовых бойцов, в смысле литературного это сыроватый материал почти в стиле фрагментов Софьи Федорченко «Народ на войне». Документальность у Гарина нередко создается бабелевской манерой использования диалога, писем, приказов. «Спешу вас известить, мамаша, что денкиневы считали казаками, а они оказались просто боярами, и мы их бьем, как хотим. Между прочим, имейте в виду, мамаша, что белые по дороге очень сильно обжигают девушек и, иззябнув за выжидание, даже вернутся к другой птине, которая называется «Январь двадцатого»». Подчас натуралистически, может быть, воспроизведенный диалог принимает пожатательный характер, приближаясь к речи героев Бабеля:

— А где Абрам Григорьевич? — спросил человек в резиновом пальто.

НЕУСТАНОВИВШИЙСЯ ГОЛОС

В издании Профиздата вышел небольшой сборник стихов Ал. Шенюна «Голос». У Ал. Шенюна замечательна своя интонация и не плохое знание серьезной темы с иронической остротой фабульного положения. Для молодого начинающего поэта сборник — не плохой язык на будущую работу, но следует указать автору на излишнюю торжественность, с которой он старается утвердить в своем творчестве усвоенный им прием подачи материала в отношении развертывания сюжета.

Сказать и хорошо этот прием подан в стихотворении «Осень»: «Он офицер, наблюдает в трубу, и в трубу у него проза... Поленды, Осень. У белого Топола ветры качают ветви... Оттаиваются от этих фактов и давал напылом, подобно кино, ряд других связанных аналогичных фактов, поэт в итоге выводит идеями эквивалент:

Он офицер — только маленький лист На маленькой «Томоной ветке». А ветер причитает, А в этом году Погода стоит груба... И офицер бросает трубу, И дело его труппа.

По этому принципу построены почти все стихи, включенные в сборник. «Перелетная птица» повествует о том, что «прожались на дутье дала и ворона». Дала! «сервено простуд-

лась, и откуда-то сполз через все мытарства принесла ворона ей пузатер декарства». Потом в беду попала ворона, но дала улетает на юг. Затем в стихотворении план пере-

исчерпать свои возможности. Помимо всего прочего, эти аналогии не всегда к месту и приводят даже к идейным срывам, например, в стихотворении «Яблочко». От срубленной «яблоня-монархия» улетело два яблока, одно улетало за море, другое катится и поныне «спры по дороге». Яблочко, конечно, с гнильцой, и люди, стоящие за прилавком эпохи, вынимают ножик, дабы вырезать опасную гнильцу. Если перенести это на язык прозы, то переделью людей трактуется механистически, как некая хирургическая операция. Такие аналогии становятся уже вредными.

Напрасно Шенюна увлекается также рафинированной литературной: сенсационные дожди, «сезонная луна», «сфинксовая звезда», «по замке восточного колодца».

— Абрам Григорьевич? — переспросил юврик. — А где он может быть в такое время? Конечно, в Константинополе.

— Ах, он в Константинополе, — сказал будущий начальник моего автобронепота, — а Упштейн в Олесе. Упштейн — это я. Откройте мне сейчас гараж. Мы отсюда поедем на кандалы. Откройте скорей, я вам говорю, потому что я вам сейчас, кажется, открыю голову («Человек и машина»).

Эпизоды, рисующие довольно трагические проявления боевого героизма, как эпизод гибели небольшой батареи, сдерживавшей натиск объединенной артиллерии двух дивизий противника, подчас убедительно сплетаются с комическими и полукомическими моментами личного и боевого быта котовцев. Рождаются необычайные сюжетные положения, проглядывающие самой жизнью: свальба, прерванная боем («Свадьба Черекана»), разведка красной конницы в мрачном средневековом замке князя Сангушко, чужбасте кавалеристы Котовского на фоне нарядной толпы, вышешенного галицийского городка, столь «не похожего на действительность, на мочаливую пустыню украинских городов, борющихся с тифом и голодом в пламени гражданской войны» («Ключи города»).

По принципу контраста рисуются тут и эротические ситуации («Ключи города», «Свадьба»), уездный же которых в повествовании невелик, потому что самый характер рассказа о таких эпизодах делает их лишь «проходными».

Сборник «Огонь», несомненно, интересный опыт кинизации художественных очерков, в замечательной форме запечатлывающих эпизоды героической эпопеи. Сборник не решает еще задачи создания динамической биографии людей гражданской войны (да вряд ли автор и задался такой целью), но ставит перед писателями вопрос об этом жанре.

БОРИС БЕГАН.

Встречается и сугубо жалуданные образы: Он готов за пятилетку Мне свинцовую синицу Посадить в грудную клетку. Неправотность: «Ты спокойней будь у чужих окоп» — должно быть: «у окопов».

При правильной работе над голосом можно, несомненно, добиться положительных результатов. Идеянная рольность в выходу в свет, на эстраду, может только сорвать голос, — в практике певцов это бывает не редко. А. ТИС.

показать историческую природу литературы и т. д. Но как это сделать, в чем конкретные этапы этой работы — У. Фохт не говорит. Он ограничивается лишь приятным содержанием, как известно, имел в перспективе весьма приятные достиженья. Когда же дело доходит до конкретных проблем, то со взглядами Фохта никак нельзя согласиться.

Одна из основных проблем теории литературы — проблема языка, как содержательной формы, как основного средства литературы, в его сложном, образном. Между тем по У. Фохту то, что в книге «Проблема языка» занимает центральное место — является «своей» логикой, является продуктом ложных абстракций и эмпиризма Т. Тимофеева; Фохт считает, что в литературе «главным средством является показ реальных отношений образов, лишь осуществляемый языком»; только при чисто эмпирическом созерцании литературы можно увидеть в языке главное и специфическое средство характеристики образов и выражения мировоззрения.

У. Фохту, автору двух пособий по литературоведению с большими историкографическими главами, должно было быть известно, что такая трактовка языка является продуктом не только эмпиризма Тимофеева, а входила например в такую не эмпирическую систему, как гегелевская эстетика: «Цель поэзии составляет не вещь сама в себе и в ее практическом бытии, но образ и слово» (Гегель). Именно на анализе языка можем мы показать ряд свойств, присущих художественному литературному творчеству, именно здесь одна из решающих проблем литературного творчества. Позиция Фохта приводит к отрицанию как раз той работы, которую может привести к действительному, а не воображаемому лишь построению теории литературы.

разработывалось не «школьной теорией словесности», а Аристотелем, Гердером, Потебней, которых «вздох быт» не выростишь. Поэтому, не входя в полемику по частным вопросам, нужно констатировать, что и в понимании насущных проблем теории литературы и в понимании конкретных путей работы в этой области — рецензия У. Фохта выдвигает неверные положения, обнаруживает очень распространную, но сожаленно, у литературоведов болезнь «максимализма».

Непонимание путей и форм конкретной работы, обратную болезнь своеобразного литературоведческого «попортунизма» демонстрирует рецензия в «Литературной газете» за подписью Г. Бочарова. Если У. Фохт, как сказано, весь в будущем, то Бочарову все представляется в настоящем, и это опять-таки, всемерно вредно. Проблема содержательности искусства, т. е. вопрос о том, в чем заключена специфичность познавательной деятельности писателя, в чем ее общественная необходимость, — одна из центральных и еще не разрешенных проблем теории литературы — шире — искусства. Для т. Бочарова дело решается просто: отличие искусства, по его мнению, «в форме самого отражения мира»; но ведь, если искусство отличается лишь формой, то это явно приводит нас к формализму, так как задача литературоведения в этом случае будет состоять в изучении специфики, т. е. формы, поскольку содержание искусства тождественно с другим идеологиями. Если же понятие формы мыслят как понятие содержательной формы, то проблема остается столь же нерешенной. Уверенность т. Бочарова, что он обладает истиной, — лишь продукт непонимания самой проблемы. Аналогично обстоят дело с проблемой различия искусства: т. Бочаров опять не видит самой проблемы, полагая, что искусство имеют дело с «одним и тем же объектом», и все дело в «критичии средств выражения». Уже одно замечание «с «Логоном» Лесинаго могло бы показать т. Бочарову смысл этой проблемы, пока же он ее просто не видит, ограничиваясь опять-таки формалистической ссылкой на «критичии средств выражения». Этот формализм приводит к отрицанию т. Бочаровым любого содержания образа, как определенной формы отражения жи-

вней и почетной борьбы за перестройку газеты. Ольга Бергольц показывает слова из красной газеты, одной из средне-азиатских республик. Она по-казывает людей, заботящихся на работе, обороняющихся, потерявших классовое чутье — (Нольмиго,

Ольга Бергольц показывает слова из красной газеты, одной из средне-азиатских республик. Она по-казывает людей, заботящихся на работе, обороняющихся, потерявших классовое чутье — (Нольмиго,

Ольга Бергольц показывает слова из красной газеты, одной из средне-азиатских республик. Она по-казывает людей, заботящихся на работе, обороняющихся, потерявших классовое чутье — (Нольмиго,

Ольга Бергольц показывает слова из красной газеты, одной из средне-азиатских республик. Она по-казывает людей, заботящихся на работе, обороняющихся, потерявших классовое чутье — (Нольмиго,

Ольга Бергольц показывает слова из красной газеты, одной из средне-азиатских республик. Она по-казывает людей, заботящихся на работе, обороняющихся, потерявших классовое чутье — (Нольмиго,

Ольга Бергольц показывает слова из красной газеты, одной из средне-азиатских республик. Она по-казывает людей, заботящихся на работе, обороняющихся, потерявших классовое чутье — (Нольмиго,

Ольга Бергольц показывает слова из красной газеты, одной из средне-азиатских республик. Она по-казывает людей, заботящихся на работе, обороняющихся, потерявших классовое чутье — (Нольмиго,

Ольга Бергольц показывает слова из красной газеты, одной из средне-азиатских республик. Она по-казывает людей, заботящихся на работе, обороняющихся, потерявших классовое чутье — (Нольмиго,

Ольга Бергольц показывает слова из красной газеты, одной из средне-азиатских республик. Она по-казывает людей, заботящихся на работе, обороняющихся, потерявших классовое чутье — (Нольмиго,

Ольга Бергольц показывает слова из красной газеты, одной из средне-азиатских республик. Она по-казывает людей, заботящихся на работе, обороняющихся, потерявших классовое чутье — (Нольмиго,

Ольга Бергольц показывает слова из красной газеты, одной из средне-азиатских республик. Она по-казывает людей, заботящихся на работе, обороняющихся, потерявших классовое чутье — (Нольмиго,

Ольга Бергольц показывает слова из красной газеты, одной из средне-азиатских республик. Она по-казывает людей, заботящихся на работе, обороняющихся, потерявших классовое чутье — (Нольмиго,

Ольга Бергольц показывает слова из красной газеты, одной из средне-азиатских республик. Она по-казывает людей, заботящихся на работе, обороняющихся, потерявших классовое чутье — (Нольмиго,

Ольга Бергольц показывает слова из красной газеты, одной из средне-азиатских республик. Она по-казывает людей, заботящихся на работе, обороняющихся, потерявших классовое чутье — (Нольмиго,

Ольга Бергольц показывает слова из красной газеты, одной из средне-азиатских республик. Она по-казывает людей, заботящихся на работе, обороняющихся, потерявших классовое чутье — (Нольмиго,

Ольга Бергольц показывает слова из красной газеты, одной из средне-азиатских республик. Она по-казывает людей, заботящихся на работе, обороняющихся, потерявших классовое чутье — (Нольмиго,

